

ПИСЬМА А. Д. МЫСОВСКОЙ К ОСТРОВСКОМУ

Сообщение Н. С. Годзиной

Письма Островского к А. Д. Мысовской публиковались неоднократно, но адресат их оставался читателю почти неизвестен. Настоящая публикация дает возможность познакомиться с этой писательницей и понять, что в ее творчестве привлекало внимание драматурга.

Анна Дмитриевна *Мысовская* (1840—1912) посылала на суд Островского свои стихи и отрывки из других произведений, что позволяет представить себе характер ее дарования.

Письма поэтессы не лишены некоторой женской экзальтации, но их отчасти искупают искренность и мягкое остроумие автора.

Вероятнее всего, имя Мысовской было бы окончательно забыто, если бы не ее сотрудничество с Островским.

Литературные словари и справочники тех лет чаще всего называют Мысовскую переводчицей. Действительно, ее немногочисленные произведения сохранились в основном в рукописях. В 1890 г. в «Русской мысли» были напечатаны письма драматурга к Мысовской. Эти письма, касающиеся замысла Островского о создании спектаклей-феерий, дали основной материал для статьи о Мысовской в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Последующие издания сочинений великого драматурга включали все новые его письма к Мысовской, что даже дало повод некоторым исследователям предполагать, что Островский был увлечен своей корреспонденткой. Однако ответы Островского носят деловой и конкретный характер. И, наконец, в письме 25 января 1886 г. он делает приписку, которая не оставляет сомнений относительно его чувств: «Извините, забыл ваше имя и отчество, а записная книжка пропала» (XVI, 229).

Первое письмо Мысовской к драматургу было написано в феврале 1885 г. и касалось переделки писательницей «Снегурочки» в оперное либретто для нижегородского композитора К. Д. Ключкова:

«Один молодой музыкант обратился ко мне с просьбой: составить из вашей «Снегурочки» либретто для оперы, того же названия. Желая от души помочь начинающему артисту, я с удовольствием принялась за дело и уже окончила пролог и несколько сцен первого акта, как вдруг меня остановила мысль: имею ли я право так бесцеременно пользоваться чужим умом и талантом? Если бы еще, по примеру других либреттистов, я удовольствовалась одним остоном вашей сказки и составила для музыки нечто бесформенное и безобразное — тогда дело другое! Но уродовать ваше творение я нахожу святотатством, а увлекаясь оригиналом, невольно снимаешь с него верную копию. Моя «Снегурочка» остается вашей, и, простите самонадеянность женщины, несколько не проигрывает в моей переделке. Так как мое сомнение можете разрешить только вы, то я и отношусь прямо к вам, с полной готовностью подчиниться всякому приговору»*.

* Все письма Мысовской к Островскому (и приложенные к ним стихотворения) хранятся в ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 1279, 1281—1284, 1287, 1290, 1293, 1297, №№ 67449, 67454, 67455, 67453, 67451, 67456, 67437, 67438, 67441, 67440.

Н. Н. ХОДОТОВ В РОЛИ ЛЕЛЯ («СНЕГУРОЧКА»)

Александринский театр, 1900 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

К тому времени некоторые произведения Мысовской, в основном переводы, были напечатаны в «Отечественных записках» за 1871 г. (однако без гонорара) и в «Пантеоне литературы» за 1873 г. Она сотрудничала в «Нижегородском листке» и в «Волжском вестнике».

Стихотворения Мысовской отличаются большой легкостью, особенно если это переводы. В них удачно сочетается повествование с диалогом. По-видимому, это обстоятельство дало возможность Островскому впоследствии предложить Мысовской занять-

ся драматическими переводами. Именно переводами, так как оригинальные произведения поэтессы значительно уступают им по форме.

На первое письмо Мысовской Островский отвечает деловито-вежливо и, вероятно, причисляет поначалу ее к разряду все тех же многочисленных писателей-графоманов, которые ему пишут ежедневно: «С нетерпением буду ждать от вас пролога и I действия «Снегурочки». По прочтении их я позволю себе написать несколько строк о вашем умении владеть русским стихом и о том, как, по моему мнению, вам можно утилизировать свой талант» (XVI, 149). Однако присланное либретто и стихи Мысовской убедили драматурга, что «либретто просто прелесть», а «стихи бойки и правильны». Островский называет дарование писательницы «прекрасным», но считает, что для него «можно найти лучшее употребление» (XVI, 168). Растерянная Мысовская не могла понять, почему ее работу над либретто Островский считает ненужной:

«Находя либретто «Снегурочки» удовлетворительным, почему вы считаете мою работу напрасной? Что опера Чайковского идет на петербургской сцене — я знаю давно, но мне казалось, что, поставленная в совершенно другой литературной и музыкальной форме, она может быть самостоятельной пьесой; я потому и назвала свою «Снегурочку» не оперой, а комедией-оперой, рассчитывая, что если мой первый опыт комедии-оперы «Наши жены» будет иметь успех, то «Снегурочка» понравится еще больше. Общество в настоящее время пристрастилось к опереткам, но, боже мой, что это за представления! Вместо остроумия там встречаешь одну грубую пошлость, вместо юмора каскадную разнузданность, вместо живости игры — балаганное ломанье арлекинов».

Мысовская «деликатно» называет свою переделку «Снегурочки» комедией-оперой, но тут же как бы проговаривается, замечая, что общество пристрастилось к опереткам, и ей самой, как можно почувствовать из письма, явно хочется создать произведение в этом жанре, но совсем на иных началах.

Ответ Островского непонятно холоден: «Вам, как я вижу, угодно сделать из моей пьесы нечто вроде оперетки, но в таком виде она идти на императорских театрах не может: во-первых, потому что это будет третья пьеса на один и тот же сюжет, а, во-вторых, потому, что на императорских театрах опереточного персонала нет» (XVI, 172). Совершенно ясно одно, что Островскому не нравится переделка его пьесы в оперетту. Но, как видно из дальнейшей переписки, в нем говорило не авторское самолюбие, а неприятие оперетты и ее законов, основывающихся на гротеске.

В переписке с Мысовской у Островского впервые возникает мысль о создании спектаклей-феерий: «У англичан есть особого рода представления, которые даются в зимний сезон, начиная с рождественских праздников,— это нечто среднее между феериями и оперетками,— сюжетом служат всегда общеизвестные сказки: «Сандрильона», «Синяя борода» и пр.; тут есть все: и пение, и музыка, и балет, а главное, много движения и остроумия. Подобное надо завести и у нас. *Образцов драматической обработки сказок у меня довольно*» (курсив наш.—XVI, 172).

У Островского никогда не было особой любви к феериям и опереткам. В письмах и высказываниях он обрушивается на этот род драматических произведений, утверждая, что оперетта и феерия развращают и актеров и зрителей. Но драматург прекрасно чувствовал состав и настроение зрительного зала. Он видел, что к театру потянулась новая публика, подчас совершенно неискушенная в своеобразии театрального искусства, что серьезный репертуар этому зрителю еще не по силам, да и в театр подобная публика попадает, в основном, по праздникам. На первый взгляд кажется, что драматург противоречит себе, предлагая давать феерии по праздникам и на утренниках. В действительности Островский хотел, чтобы пышные и развлекательные спектакли обрели, наконец, серьезное содержание. Не случайно, созданная им по заказу дирекции императорских театров, сказка-феерия «Снегурочка» была философской пьесой. Всем своим творчеством Островский стремился доказать, что не жанр заранее обре-

кает пьесу на неуспех, а плохая пьеса оскорбляет любой жанр. Так, например, критикуя ремесленнические поделки в жанре мелодрамы, сам Островский создает в этом жанре пьесы, которые до сегодняшнего дня украшают сцену. По-видимому, мысль о создании спектаклей-феерий давно зародилась у Островского («образцов драматической обработки сказок у меня довольно»).

Нужен был автор, который бы занялся созданием феерий. Именно это драматург просит сделать Мысовскую. Может быть, здесь сыграло некоторую роль и то, что первой пьесой, которую Мысовская прислала Островскому, по странному стечению обстоятельств была тоже «Снегурочка».

Прочитав некоторые произведения Мысовской, драматург решил, что она должна создавать сказки-феерии: «Вот где, по моему мнению, для вашего таланта, для вашего бойкого стиха найдется самое лучшее употребление. Такая пьеса, роскошно поставленная, может иметь громадный успех» (XVI, 172). И Мысовская с радостью принимает это предложение.

«Вы предлагаете мне заняться обработкой иностранных сказок, и спрашиваете — согласна ли я привести в исполнение вашу мысль, — разумеется, согласна, и буду работать с полной готовностью и старанием — но вот вопрос: сложу ли я с этой работой? Я переделала на русские нравы две арабские сказки — одна — весьма известная — «о рубашке», другая о «Царе и дервише» — и, кажется, довольно удачно, — но в обеих я оставила сказочную, т. е. повествовательную форму. Составить оперетку из готовой пьесы — дело не трудное, но создать собственными силами интересные положения и эффекты — тут нужны и опытность и воображение. До настоящего времени я ничего не писала для сцены, и потому мне бы очень хотелось, чтобы вы прочитали мое первое произведение и сказали о нем ваше мнение. Как театральная пьеса, оно, я знаю, очень слабо, без содержания, начала и конца, это просто ряд сцен из нашей провинциальной жизни, — но есть ли в нем, по крайней мере, живость и сценичность. Позвольте ли вы мне вам его прислать? Впрочем, я забыла: я в прошлом году сочинила небольшую пьесу с пением, для любительского спектакля, которая и была исполнена 1884 года 12 марта в зале Дворянского собрания и очень понравилась публике! Если бы я знала, что вы свободны, то сказала бы вам подробно историю сочинения и постановки этой комедии, которая до того комична, что сама, в свою очередь, так и просится на сцену. Постараюсь сделать это в коротких словах. Идея поставить на сцену какую-нибудь маленькую русскую оперетку явилась 1 марта у семейства нашего предводителя Зыбина, которое захотело ознаменовать день его рождения приятным для него сюрпризом. 2-го — я занялась этим сюрпризом, с неперменным условием изобразить в нем цыганскую и народную жизнь; 4-го — вечером, пьеса была окончена и переписана; 5-го — начались репетиции, а 12-го — весь Нижний млел от восторга, аплодируя автору и исполнителям! Да и как было не восхищаться, когда все мои скороспелые крестьяне и крестьянки, цыгане и цыганки говорили и пели самым изысканным салонным языком, а деревенские бабы философствовали à la m-me Сталь. Вот вам образец одного дуэта:

К р е с т ь я н к а: Да, мужчины всегда близоруки,
Хоть признать не желают того:
Часто счастье дается им в руки,
А они и не видят его.
Увлекаясь прозрачною тенью
Вслед за нею бегут наугад —
Без кормила плывут по течению...
М у ж и к: Ты права, я кругом виноват!
К р е с т ь я н к а: А приходит минута сознанья,
Станет жаль бесполезных тревог,
То вина не ошибку желанья,

А суровый, безжалостный рок,
И под гнетом напрасной досады
На страданья других не глядят.
Не кори же меня без пощады —
Ты права, я кругом виноват!»

М у ж и к:

Чувствуя, что поэтесса владеет стихом, но не справляется с сюжетом (да и сама Мысовская признается, что ей гораздо легче зарифмовать любой сюжет, чем создать что-то оригинальное), Островский вполне точно определяет ее задачу в создании спектаклей-феерий: «Я предлагаю вам не переделку из иностранных сказок, написанных в повествовательной форме, а переделку из феерий, т. е. сказок, обработанных уже в драматической форме <...>. Кроме того, что драматическая форма уже дана, мы сделаем общими силами сценариум переделки, т. е. каркас, и вам останется только литературный труд по готовому уже плану» (XVI, 179).

Готовясь стать управляющим московскими театрами, Островский прежде всего обращает внимание на репертуар московской сцены, причем не только на серьезный, но и на развлекательный. Его особенно не удовлетворяют в этом смысле детские утренники, когда в театре собирается неискушенная публика и дети и когда им по традиции дают балет «Котек-горбунок», где зрителей увлекают больше живописные декорации и чудеса театральной техники, чем танцы, которые исполняются «бесстыдницами» в коротких юбках и кажутся просто неприличными. Все это вряд ли может способствовать «детскому воспитанию» (XVI, 186). «Феерия должна заменить балет, — заключает Островский, — в ней соединится все: танцы, пение и комедия. Для праздничных спектаклей, когда публика идет в театр не за умственной пищей, а за развлечением, такие спектакли при роскошной обстановке должны представлять много интереса» (XVI, 179).

Неверно было бы думать, что Островский силой своей власти собирался совсем заменить балет спектаклями-феериями. Драматург очень точно подметил недостатки балетного спектакля тех лет: однообразие, а главное, примитивность его пантомимы, и хотел, чтобы они были ликвидированы в феериях. Танцам же в этих нового рода спектаклях должно было, вероятно, отводиться довольно значительное место, судя по тому, как выглядели подобные английские феерии, которые, кстати говоря, и исполнялись-то в основном артистами балета.

С другой стороны, зрелищность, эффектность и чудеса театральной техники, которые демонстрировались на подобных спектаклях, должны были увлечь именно праздничную публику и особенно детей. Мысовская не сразу понимает, какова ее роль в создании таких пьес. Ей кажется, что она должна будет заняться их переводами: «Если придется переводить с иностранных языков, то я знаю всего три: французский — хорошо, а немецкий и польский — посредственно, но думаю, что при вашей помощи переделаю всякое литературное произведение. Впрочем, если вы захотите принять участие в какой-нибудь моей работе, не отказывая мне в советах и указаниях, то она уже не будет нашим общим, как вы выражаетесь, трудом, а совершенно вашим, и моя там роль ограничится ролью порядочно настроенной скрипки или мягкого, хорошо очищенного карандаша; с тою небольшою разницей, что скрипка или карандаш, передавая мысли художника, действовали бы бессознательно, и, может быть, помимо собственного желания, — я же, как предмет одушевленный, пойму ваши идеи и выражу их сознательно, чувствуя себя бесконечно гордой и счастливой, что мною руководит такая великая творческая рука».

В том же письме, рассказывая о своих замыслах, Мысовская, восхищаясь героем своего будущего рассказа, пытается дать ему стихотворную характеристику и даже не замечает, насколько при этом слог ее четверостишия напоминает слог известной некрасовской поэмы:

Он радостей жизни не ловит,
Без страха за правдой идет,
От буйства толпу остановит,
Из пламя ребенка спасет.

ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ IV ДЕЙСТВИЯ «СНЕГУРОЧКИ»

Акварель К. Ф. Вальца

Большой театр, 1893 г.

Центральный театральный музей, Москва

По-видимому, мысль о создании феерий в то время не очень увлекала Мысовскую. Ей все-таки хотелось показать Островскому свои пьесы «Наши жены» или «Дамский комитет» и узнать его мнение:

«Посылая вам «Наши жены», я убедительно прошу вас, прежде чем прочесть мою комедию и вывести о ней заключение, обратить внимание на следующее: во-первых, за исключением глупых «Цыган», преподнесенных мной любителям театрального искусства в виде, как бы это помягче выразиться... ну, хоть шутки, это мой первый опыт литературно-сценического труда; мало того, я не только никогда не писала опереток, даже видела в жизни только одну «Все мы жаждем любви», которая навсегда отняла у меня охоту смотреть другие. Во-вторых, я слишком безучастно отношусь ко всем мелочам частной и общественной жизни, и они проходят передо мной как-то вскользь, не оставляя и не вызывая никаких представлений. Понятно, что при плохо развитой способности к глубокому анализу индивидуальных свойств человеческой природы, мало интересующие нас образы не могут быть изображены ни ярко, ни рельефно. В-третьих, эта пьеса написана почти экспромтом. Появление ее на свет произошло следующим образом: по просьбе г. Клочкова (музыканта) я начала писать для него комедию-оперетку «Дамский комитет» и уже распределила все сцены и почти окончила первое действие, как вдруг юный музыкант объявил мне, что он решительно не в состоянии положить на музыку ни одного стихотворения из «Дамского комитета», и становится в тупик, не понимая, какой гармонии и мелодии они требуют. Чтобы облегчить ему музыкальную работу, я должна была оставить первую комедию и начать что-нибудь другое, более доступное силам молодого артиста. Если судьба будет так великодушна, что позволит мне встретиться с вами (судьба тут, кажется, не при чем! от Нижнего до Москвы всего 16 часов езды, а у меня свободных 24 часа в сутки), я вам покажу «Дамский комитет».

Пьеса «Наши жены» не нравится Островскому потому, что это оперетта, и выведены в ней «две холодно-развратные женщины», что не симпатично по содержанию. И еще раз драматург убеждает Мысовскую заняться феериями, где пригодится ее поэтический талант.

Островский считает, что писать комедии не женское дело и стихами их теперь никто не пишет. «Жорж Занд какой талант, а и та писала комедии плохо», — говорит он (XVI, 187). «А если будете писать драматизированные сказки, то можете составить себе блестящее имя, как составил себе имя знаменитый итальянец, граф Карло Гоцци» (там же).

Но особенно увлекает Островского сообщение поэтессы о том, что она перевела пьесу Мольера. Островский надеется, что в содружестве с Мысовской они переведут все пьесы Мольера. Он — в прозе, она — в стихах, и перевод этот будет великолепным подарком публике.

Наконец, Мысовская дает согласие на то, чтобы заняться «драматизированными сказками» и посылает свои первые наброски «Аленького цветочка»:

«Пожалуйста, пришлите мне сценариум — я сейчас же тримусь за работу, имея в виду не удовольствие наших маменек, наивных младенцев и краснеющих барышень, — а ваше доброе словечко, которое одно составляет альфу и омегу моих надежд, радостей и честолюбивых стремлений. Не подумайте, что я шучу — право нет! Боюсь, что при свидании со мной, вы сильно разочаруетесь: вместо остроумной, находчивой светской барыни увидите первый застенчивый субъект, который вам, чего доброго, придется отпαιивать холодной водой! Но, как говорят итальянцы, — «будь что будет, лишь бы увидеть Рим!»

Всей душой преданная и глубокоуважающая вас

А. Мысовская.

Однако выбор «Аленького цветочка» не нравится Островскому: «Сказку «Аленький цветочек» я знаю; она уж очень невинна. Когда я вернусь в Москву <...>, я найду что-нибудь более достойное вашего увлекательного остроумия» (XVI, 200).

А в следующем письме Островский сообщает, что среди английских феерий есть тоже «Аленький цветочек» и уже переведен (XVI, 204).

Чтобы начать работу, Островский приглашает поэтессу в Москву к середине ноября. Письма драматурга становятся для Мысовской большой радостью и вдохновляют ее на создание новых стихов.

Наконец, Мысовская собирается в Москву:

«Милостивый государь и глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Только что приготовила к вам письмо, как получила ваше — вследствие чего пишу другое. В Москву приеду тотчас, как вы туда вернетесь, и останусь там до тех пор, пока вам не надоем. С гордостью говорю, что имею с вами общую черту: я тоже никогда не говорю напрасных слов.

У меня к вам следующая просьба: когда будете уведомлять меня о возвращении, напишите, есть ли на Пречистенке, или около этой улицы какая-нибудь гостиница, где бы мне остановиться. Москвы я совсем не знаю, и боюсь попасть на окраину, далеко от вас.

До свидания же, дорогой и глубокоуважаемый Александр Николаевич, до скорого свидания!

Искренно и глубоко уважающая вас, и совершенно вам преданная

А. Мысовская.

8 декабря.

Перед отъездом из Москвы Мысовская пишет:

«Милостивый государь
Александр Николаевич!

Сегодня уезжаю и, поручая себя вашей памяти, посылаю маленькое стихотворение, написанное ровно в 12 ч. ночи 1 января 86-го года. Пожалуйста, не считите его подражанием Гюго «*Si j'étais roi et Dieu*», право, кроме многозначительного «*Si*» между нами нет ничего общего. Помните, Гюго предлагает все атрибуты могущества и власти, как-то: корону, державу, порфиру, прохладу райских струй, сонмы ангелов, с живыми песнями и проч. и проч. за «единый взгляд» и «единый поцелуй», словом, готов отдать «все», являя пример трогательной щедрости истых небожителей, — я же, эгоистичная смертная, хотела бы взять «все»! Любопытно, однако, знать, почему Гюго представляется таким бескорыстным: по особенным ли свойствам своей индивидуальной природы, или потому только, что с предмета его обожания, кроме взгляда и поцелуя, больше и взять нечего?

Преданная вам всей душой

А. Мысовская

2 января 1886 года.

Когда б я могущество власти имела
И силы волшебной запас,—
На вас бы все дни я смотрела, смотрела,
Всю жизнь бы я слушала вас!

Будь только дана мне волшебная сила,
Забывши волнующий страх,—
Я с вами все дни бы, всю жизнь говорила,
Всю вылила б душу в словах».

Начавшаяся работа по созданию драматизированных сказок пошла успешно. Уже 25 января 1886 г. Островский, получив пролог «Аленького цветочка» (впоследствии эту пьесу Мысовская назвала «Белая роза») писал: «Пролог написан вами прекрасно. Если и понадобятся какие-нибудь незначительные изменения, то единственно ради сценических, а не литературных требований» (XVI, 229).

А через некоторое время поэтесса сообщает:

«Посылаю вам 1-й акт «Белой розы». Хотела [послать еще два, но не успела переписать. Я очень тихо переписываю, и много порчу бумаги, по милости описок и пропусков, — а пособить этому горю здесь — невозможно, — нет никого, кто бы умел писать».

Наконец, переделка феерии закончена. Островский отвечает незамедлительно: «Не нахожу слов благодарить вас за вашу изящную работу. Как только освобожусь от обязательных занятий, так и я, с своей стороны, примусь за ту же пьесу <...>. Я между делом кончил перевод или переделку феерии «Синяя борода» и окончательную отделку этого труда желал бы поручить вам» (XVI, 236).

Через некоторое время драматург предлагает Мысовской заняться пьесой де Банвиля «Жена Сократа», замечая, что лучше всего ее было бы перевести стихом грибоедовского «Горя от ума». Но Островскому не суждено уже было увидеть ни «Жену Сократа» в переводе Мысовской, поставленную на сцене Малого театра в 1886 г. в бенефис Н. А. Никулиной, ни осуществить постановку феерии. Трудно сказать, как бы выглядели эти спектакли. Однако переписка драматурга с Мысовской дает представление о том, как проходила работа по созданию «драматизированных сказок», и о том, как бережно относился Островский к литературным работам своих начинающих коллег, как он умел понять не только своеобразие дарования того или иного литератора, но и направить работу молодого драматурга по тому пути, где каждый из них мог наиболее полно проявить свое дарование.